

О.В.Востриков (Свердловск)

Финно-угорские лексические элементы в русских
говорах Волго-Двинского междуречья

Финно-угорское лексическое наследие в русских говорах севера Европейской части СССР привлекает внимание исследователей с прошлого века. Вопросу взаимодействия русских говоров с финно-угорскими языками было посвящено большое количество работ¹, но, несмотря на это, он еще далек от разрешения. В частности, не изучались специально финно-угорские лексические элементы в говорах Волго-Двинского междуречья.

Под Волго-Двинским междуречьем здесь понимается территория, заключенная между Волгой (от впадения в нее р.Костромы до впадения р.Унжи, т.е. до поворота ее к югу под г.Юрьевцем) и Сухоней – главным верхним притоком Северной Двины. На западе территория ограничивается течением рек Костромы и Толшмы, на востоке – Унжи, Юга и Межи.

Территория Волго-Двинского междуречья, так же как и вся северная часть Европейской России, была занята первоначально финно-угорским населением. На это указывает целый ряд этнопонимов, т.е. топонимов, содержащих этническое имя: город Галич (Костромской области) фигурирует в летописи как Галич Мерский; по актам XV и первой половины XVI в. недалеко от г.Костромы существовал Мерский стан; с.Георгиевское Верховской волости Кологривского уезда в церковных документах XVIII в. на-

1. История вопроса подробно освещена в работах: Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. MSFOM 44, Helsinki, 1919, S.2-21; Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Докт.дис. М., 1970, с.55-59.

зывалось "Теоринавское, что в Мероком" (стане?); в бассейне р.Коотромы есть две реки с названием Мерская; оз. Мерское было в 3 верстах от Ипатьевского монастыря¹. Все эти этнотопонимы содержат имя финно-угорского племени мери, которая упоминается в русской летописи². На территории Волго-Двиноского междуречья зафиксированы также этнотопонимы, в основе которых лежит имя чуди: Чудская волость в Галицком уезде; Чухломское озеро, так же как и городок на нем, первоначально называлось Чудским; две церкви в Галицком уезде именовались "Троицкая и Ильинская в Чудце", а в Солдатычском уезде существовала "Никольская церковь, что в Чудце"; в 66 верстах от г.Макарьева было с.Чудь³. Данные этнотопонимии свидетельствуют, что в русской орде долгое время существовал финно-угорский этнический компонент, впоследствии ассимилированный русским населением. О существовании русских и финно-угров на изучаемой территории свидетельствуют и этнотопонимы финно-угорского происхождения. Это три реки с названием Руша (притоки р.Сивех, Возега и Немда), приток р.Нея - Ружбал и приток р.Шуя - Роча⁴. Основы этих топонимов можно сравнить с саам. раша^А, норв. ruoſſa, кильд. ruiſſa^А, нот. ruiſſa^А "русский" или о мар. руш "русский", и с к-зыр. роч "русский"⁵.

Этнонимия Волго-Двиноского междуречья подтверждает правоту поисков финно-угорских элементов в русских говорах этой территории. Но поскольку о языках мери и чуди ничего не известно, выявление источников этих элементов затруднено.

Необходимо заметить, что финно-угорское лексическое на-

- 1.См.напр.: Лябовский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, с.10.
- 2.Полное собрание русских летописей. СПб., 1846, т.1, с.2,5, 8-12.
- 3.Лябовский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности, с.10.
- 4.Используемый в статье материал извлечен из картотеки Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета.
- 5.Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР, с.462.

следие в русских говорах Волго-Дви́нского междуречья откладывалось в течение длительного времени и попадало сюда различными путями. Финно-угры могли проникнуть сюда уже с первыми колонизационными потоками из новгородских и ростовско-суздальских земель. Исторически более поздним является пласт пережиточной финно-угорской лексики, вошедшей в русские говоры при ассимиляции ими языков дорусского финно-угорского населения (т.е. субстратные включения). Кроме того, русские говоры, находящиеся в соседстве, постоянно взаимодействуют друг с другом, и субстратные слова, вошедшие в различные говоры из различных финно-угорских языков, могли контактироваться.

Следовательно, необходим дифференцированный подход к фактам влияния финно-угорских языков на лексику русских народных говоров. В говорах Волго-Дви́нского междуречья нужно различать финно-угорские субстратные включения и финно-угорские заимствования. В основу деления финно-угорских лексических элементов на субстратные и заимствованные может быть положена форма взаимодействия двух языков при контакте. Под субстратными финно-угорскими включениями понимаются слова данного говора, которые являются остатком языка прежнего финно-угорского населения, ассимилированного здесь русскими. Под финно-угорскими заимствованиями понимаются слова, вошедшие в данный говор из соседнего финно-угорского языка (напр., марийские заимствования в русских говорах Кировской области¹) или проникшие в данный говор через другие русские говоры (напр., заимствования из финских языков в русских говорах Урала и Сибири²).

Основным показателем, с помощью которого финно-угорские лексические элементы, представленные в русских говорах, могут быть разделены на субстратные включения и заимствования, яв-

1. Иванов И.Г. Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края. - СВУ, 1969, № 2.

2. Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Канд. дис. Свердловск, 1958; Федоров И.А. О словах финно-угорского происхождения в составе лексики сибирских говоров по среднему течению р.Оби. - Изв. СО АН СССР. Сер. обществов. наук. Новосибирск, 1965, № 1, вып. I, с. 93-96.

ется география слова. На основании этого показателя можно судить о путях проникновения слова в русские говоры. Наибольшая вероятность субстратного происхождения у русских диалектных слов, имеющих локальное распространение. В случае же широкого распространения финно-угризма в русских говорах севера Европейской части СССР, а также Урала и Сибири, следует думать о перенесении его в говоры Волго-Двинского междуречья из других русских говоров, например из новгородских земель вместе с колонизационными потоками. Впрочем, возможности субстратного происхождения таких слов совсем исключить нельзя.

Географический показатель и положен в основу проведенного в данной работе деления финно-угорских по происхождению слов на широко распространенные и локальные.

Финно-угорские заимствования широкого распространения

В соответствии с предполагаемым происхождением данная группа слов разделяется на прибалтийско-финские, саамские, пермские заимствования, а также заимствования, восходящие к вымершим финно-угорским языкам. Выделена группа заимствований, имеющих параллели в прибалтийско-финских и саамском языках (если вопрос о происхождении этих слов нельзя решить однозначно).

Словарная статья строится следующим образом: приводится слово в различных фонетических вариантах, отмеченное в русских говорах Волго-Двинского междуречья; даются значения (через точку с запятой или под цифрами, если значения сильно расходятся); районы Костромской и Вологодской области, где было зафиксировано слово. При этом в скобках указаны письменные источники, отмечающие распространение слова на изучаемой территории. Ссылки на материалы Севернорусской топонимической экспедиции опускаются, поскольку за единичными (оговоренными) исключениями все слова извлечены из них. Далее в словарной статье приводится пример употребления слова в говоре. Третья часть словарной статьи — данные о распространении слова в русских говорах на других территориях. В конце статьи приводится предполагаемая этимология.

Прибалтийско-финские заимствования

В ё н ь г а т ь, в ё н ь к а т ь. Надоедать капризами; плаксиво жаловаться. Антр, Галич, Нейск, Парф. Вечно он вень-гаёт.

Этот глагол со значением "всхлипывать, тихо плакать, длительное время хныкать" широко распространен в русских говорах севера Европейской части СССР, Урала и Сибири (ДО, 19; Даль I, 178; Куликовский, 9; Васнецов, 27; СГСУ I, 70; СРНГ IV, II7; СКК, 23; СКО, 37-38).

← приоб.-фин., ср. фин. *vinkea* "визжать", *vänkyä*, карел. *vingua* "плакать" (OFLR, 86; Фасмер I, 292).

К а в а. Колышек, к которому привязывают лодку. В-Устуг. Толстой колышек заколотил, это кава. Кава-то колышек называют, к нему лотку привязывают.

В этом значении слово распространено в говорах русского Севера (Даль II, 69, 70; Куликовский, 32). В калининских говорах слово **кава** имеет значение "столб, обозначающий границу участка; столбик, в который забивают бабку для битья косы" (СКО, 80).

← приоб.-фин., ср. вепс. *kavi*, лод. *kvavi* "кол" (Фасмер II, 147). Приведенные В.И.Абаевым параллели из мордовского, венгерского и осетинского языков¹ не опровергают общепринятую этимологию. Географическое распространение свидетельствует о том, что слово проникло в русские говоры из прибалтийско-финских языков.

К а р а. Насечка на дереве для сбора живицы. Никол, Чул. На дереве насечки делают такие, кары называют. Из них потом серу гнать будут.

СТЭ отмечает это слово также во многих районах Вологодской и Архангельской областей (Белоз, Вашк, Вальск, Виногр, В-Т, Вытег, К-Б, Нянд, Уст, Холм, Шенк).

Так же, как и диал. **кара** "залив в реке или в озере", может сопоставляться с вепс. *kar* "залив в озере или в море" (OFLR, 104), так как вепсское слово имеет еще значение "за-

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958, т. I, с. 547.

рубка, надрез, разрез, дыра" (СВЯ, 179).

К а р б а с. Большая лодка. Галич, К-Гор, Мантур, Никол. Хоть сено вали на карбас, хоть мешки хлеба; человек двадцать в него влезут.

Слово широко распространено в русских говорах севера Европейской части СССР и Сибири (Даль П, 91; Подвысоцкий, 63; Куликовский, 34; ИОС I, 201; СКК, 82).

← приб.-фин., ср. вепс. karbaz, фин. karvas "лодка, неудобная для переноски" (OFLR, 105; Фасмер П, 195).

К о н г а, к о н д а. Хорошая смолистая сосна; сердцевина дерева. В-Устуг, К-Гор, Кологр, Межевск, Нейск, Никол, Пышуг, Солдгалыч, Чулх. Ис конды дом постафь, дак твои детки прожынут.

Слово очень широко распространено в русских говорах севера Европейской части СССР, Урала и Сибири (ДО, 87; Даль П, 150; Подвысоцкий, 70; Васнецов, 110; СРНГ XIV, 245-246; Беляева, 244; СТСУ П, 43; СКК, 90).

← приб.-фин., ср. фин. honka "выросшая, зрелая ель, сосна", ливв. honka "то же", вст. honka-pi "старая сосна со свисающими ветвями и жесткой древесиной". Русские формы основываются на диссимиляции из *гонга (OFLR, 238; Фасмер П, 308): *гонга > конга > конда.

К у к л и н а, к у к л е в и н а. Головки льна. К-Гор, В-Устуг, Никол. На остальной территории Волго-Двинского междуречья повсеместно представлена форма к у к о л ь "то же". Семя провект, одна и останется куклина.

Слово в различных фонетических вариантах (к у к о л ь, к у к л и н а, к у г л и н а, к о г л и н а, к о г л и) широко представлено в русских говорах севера Европейской части СССР (Даль П, 214; Куликовский, 44; Васнецов, 117) и Среднего Урала (СТСУ П, 70-71).

← приб.-фин., ср. фин. kounlo "льняная коробочка". Русские формы распространены суффиксами -ина, -евина (OFLR, 138).

Форма к у к о л ь возникла, возможно, под влиянием русск. к у к о л ь "сорная трава" (Agrostemma Githago - Даль П, 214).

К у л ь г а. Лукайка в лесу; новина; маленький участок; надел. Антр, Галич, К-Гор, Кологр, Мантур, Межевск, Нейск,

Никол, Парф, Пышуг, Солиталич. Раньше единолично жили, это твоя кулига, это моя кулига.

Слово повсеместно известно на русском Севере, на Урале и во многих говорах Сибири (Даль П, 216; Подвысоцкий, 78; Васнецов, 118; Мельниченко, 99; СКО, 113; ИОС I, 233; СГСУ П, 73; СКК, 100-101).

Этимология Кулиги, несмотря на возражения Фасмера (П, 410), кажется наиболее убедительной:

<приб.-фин., ср.фин. *kuľä* "деревня", карел. *külä*, вепс. *küľä*, *küľä* "вообще чужая деревня", эст. *küla* "деревня; население местности, волость" (OFLR, 140-141). Кулига указывает, что в череповецком диалекте, сохранившем много архаизмов, к у л и г а означает "население местности по обе стороны маленькой реки, так что они видны друг другу". Также и в Вятке известно значение "деревня", "починок в лесу" (там же). В Велико-Устюгском районе Вологодской области СТЭ отмечает аналогичное значение слова кулига. Кулига - ошшоё название деревень, когда много их. Сейчас кулига нарушена у нас. Вот и нашу кулигу посмотрели.

На прежнее значение могут указывать также многочисленные названия деревень типа Кулига, хотя исходный апеллятив, лежащий в основе этих топонимов, мог и не иметь значение "деревня". Но все же заслуживает внимания то, что в Вологодской и Архангельской областях, по данным СТЭ, многие кусты деревень носят название Кулига (напр., так называется куст деревень, центром которого является д.Подболотье Бабушкинского района Вологодской области; жители этих деревень соответственно зовутся к у л и г а н а м и; в низовьях р.Шарженьги (приток Юга) куст деревень называется Нижняя Кулига; Кулигами также называется несколько кустов деревень в Виноградовском районе Архангельской области). Топонимы этого типа хорошо объясняются, если иметь в виду значение слова к у л и г а в череповецком и великоустюгском говорах (ср. также эст. *küla* "деревня, население местности, волость").

Суффикс -ига возник на русской почве, на что указывает Кулима (OFLR, 140-141).

Л у д а. Мелкое место в реке с плотным дном; каменистый пережат. В-Устюг, Мантур, Пышуг. Луда такая крепкая. Река не-

глубокая, где луда. Пойдём на луду, тут перебрёдем.

Слово отмечают в говорах русского Севера (Даль П, 271; Подвысоцкий, 84; Куликовский, 51; Васнецов, 125).

<приб-фин., ср. карел. *luodo*, ливв. *luodo* "маленький остров, каменная мель, находящийся под водой утес", вепс. *lood*, фин. *luoto*, эст. *lood* "маленький плоский остров (без леса), сухая площадь" (OFLR, 155).

Л и в а. Лужа; топкое место; заливной луг; небольшое болото. В Волго-Двиноском междуречье повсеместно. Большая лыва, осока растёт, мы на этой лыве косили. Лыва болотичко такое, низменное место.

Слово широко распространено в русских говорах севера Европейской части СССР, Урала и Сибири (Даль П, 275; Подвысоцкий, 84; Куликовский, 51; Васнецов, 125; СКО, 122; Беляева, 291; СТСУ П, 106-107; ИОС П, 17; СКК, 110).

<приб-фин., ср. карел. *liiva*, фин. *liiva* "морской ил, грязь, раздавленная кашеобразная или мокрая масса", эст. *liiv* "песок" (OFLR, 157).

М б р д а. Рыболовная ловушка, плетенная из ивовых прутьев. В-Устиг, Галич, К-Гор, Мантур, Никол, Пышуг, Солигалич, Чухл, Шарьин. Морды вяжанные плели раньше, в заески становили морды. Мужики фёе мордами рыбу лавливали.

Очень широко распространено в говорах севера Европейской части СССР, Урала и Сибири (Даль П, 345; Подвысоцкий, 92; Куликовский, 56; Васнецов, 134; Беляева, 313; СТСУ П, 139; ИОС П, 29; СКК, 116).

<приб-фин., ср. фин. *merta* "верша", эст. *mõrd*, ливв. *mõrda*, карел. *merda*, вепс. *merd*, вод. *merta* (OFLR, 164-165; Фасмер П, 653).

М я к о н ж к. Галич, К-Гор, Кологр, Никол, Чухл. М я к о н з к и. Галич, Кологр, Чухл. М я к к и. К-Гор. Небольшой круглый хлеб, каравай. Мяконники пекли, корован такие круглые.

У Даля (П, 373) "мятки(о)и - сев.вост.сиб. ячный или пшеничный хлеб, пироги, калачи, сайки, булки".

В вятских говорах - мяконький "небольшой каравай хлеба" (Васнецов, 137).

В Архангельской и Вологодской областях СТЭ отмечает сле-

лучшие названия круглого хлеба: мяконький (Уст); мягкий (Уст, К-Б, В-Т); мякки, мякка (В-Т), мякушка (Белоз, Карт, Кирил, Онеж, Плес); мякура (Холм).

В ярославских говорах хлеб из ржаной или овсяной муки называют мякотина или мякотник (Мельниченко, II5). В калининских говорах (СКО, I3I) представлена форма мякушка ("небольшой круглый хлебец или булочка без начинки").

В иркутских говорах мягкие "свежеиспеченный хлеб" (ИОС П, 3I).

Не исключено, что рассматриваемые слова связаны с русск. мягкий, во всяком случае, образование различных диалектных форм происходило под воздействием этого слова.

Но источником могли послужить и прибалтийско-финские языки: ср. фин. *möykky* "большой каравай", карел. *möykkü* "(хлебный) комок, хлебный каравай" (SKES П, 338).

Форма мякки в этом случае наиболее близка оригиналу. Русское -а- на месте приоб-фин. -öу- (-öü-) могло появиться под воздействием слова мягкий, с другой стороны, в прибалтийско-финских языках имеются формы с -äу- (*mäykky*).

Развитие форм шло, вероятно, следующим путем: *möykky* > мякки > мягкий > мяконький > мяконик. Возможен также путь мягкий (диал. мяккой) > мяконик (ср. в арх. говорах куккой и куконик для названия круглого хлеба).

Возможность заимствования этого слова из финно-угорских языков подтверждается и другими фактами заимствования русскими обозначения круглого хлеба из финно-угорских языков (напр., *кокор* в покровских говорах, *тупысь* в вологодских говорах, *куконик* в архангельских говорах, *челпан* во многих говорах русско-го Севера, Урала и Сибири)¹.

М я н д а. 1. Плохая болонистая сосна. В-Устуг, К-Гор, Кологр, Межевск, Никол, Солигалич. Мянду-то тоже рубим, если кондовое лесу нет. 2. Топкое болото. Нейск, Парф. Мянда это топкое место, не ходи, там мянда - утонеш. 3. Сосна вообще. Никол. Вод до этой мянды наш покос, дальше не коси.

Слово в значении "болонистая сосна" повсеместно известно

1. Матвеев А.К. К этимологии русск. диал. челпан. - *Études Finno-Ougriennes*. Budapest, 1975, 10, с. 28-29.

на русском Севере (Даль II, 374; Куликовский, 59; Подвысоцкий, 95) и на Урале (Беляева, 303; СТСУ II, 126).

Значение "топкое болото", вероятно, вторично. Болонистая сосна растет, как правило, на болотах.

<приб-фин., ср. карел. māndū , лнд. mānd , фин. mānty, эст. mänd "сосна" (OFLR , 170-171; Фасмер III, 30).

Н о д ъ я. Охотничий костер, представляющий собой два бревна, положенные друг на друга. Галич, Никол. Нодъ делали. Два кража вырубает и посереётке замыкает.

Слово широко распространено в русских говорах севера Европейской части СССР, Урала и Сибири (Даль II, 553; Подвысоцкий, 109; Куликовский, 65; Беляева, 368; СТСУ II, 127; ССО Доп. II, 29).

<приб-фин., ср. карел. nuodio , вепс. nuod'u, фин. nuotio "то же" (OFLR , 172-173; Фасмер III, 80).

П а к у л а. Гриб на березе. Никол. На берёзах пакула, раньше вместо чап пили.

Слово распространено в говорах русского Севера (Подвысоцкий, 116; Куликовский, 77).

<приб-фин., ср. карел. rakku'1 "березовая губка", фин. rakku1a , вепс. rakka1 "то же" (Фасмер III, 189).

П у р г а. Сильный ветер со снегом, выга. Галич, Никол. Пурга фсё винтом перепуржит.

Слово широко распространено в говорах севера Европейской части СССР, Урала и Сибири (Даль III, 539; Подвысоцкий, 143; Куликовский, 96; ССО III, 93), а форма пургá вошла в русский литературный язык (БАС II, 1632).

<приб-фин., ср. карел. purgu "бура со снежным вихрем", лнд. purguta "снегопад", вепс. purg "снежная метель", фин. purku "то же" (OFLR , 190-191).

С а р г а. Решетка из дранки; настил в саях, сплетенный из вщ. К-Гор, Никол. Сарга на дровнях накладаеца, штоп человек фотал или сел.

Слово повсеместно известно в Архангельской и Вологодской областях, во многих говорах Урала и Сибири (Даль IV, 138; Подвысоцкий, 153; Куликовский, 104; ССО III, 122; СКК, 176).

<приб-фин., ср. лнд. sard "настил из дранки в саях", фин. sarja "планка, дранка", эст. sari "сито для просеивания

верна". Не исключено, что источником русского слова могло послужить карел. *äärgä* "полоска бересты, идущая на изготовление лаптей", вепс. *vaig* "полоска лыка". По мнению Калины, на русской почве эти слова могли загрязниться (OFLR, 214).

С и м а. Бечевка в рыболовных ловушках. В-Устят, Нейск. На омах ловят, некоторые капроновые делают.

Слово распространено в русских говорах севера Европейской части СССР и Сибири (Даль IV, 185; Подвысоцкий, 157; Куликовский, 107; ССО Ш, 139).

< приоб-фин., ср. ливв. *siima*, карел. *äiima*, лхд. *äim*, фин. *siima* "бечевка, леска" (OFLR, 218; Фасмер III, 622).

С у з ё м. Дальний лес; глухо: ненаселенный лес. В-Устят, К-Гор, Кологр, Никол, Пышут, Солигалич, Чухл. У нас тут на сорок вёрст всё сузём.

Слово известно на русском Севере, Урале и в Сибири (Даль IV, 357; Подвысоцкий, 167; Куликовский, 115; Беляева, 616).

< приоб-фин., ср. фин. *суэмä* "лесная глушь, сплошной удаленный лес". По мнению Калины, русские формы могли возникнуть в результате действия народной этимологии под влиянием таких слов, как назём (род.п. диал. назьма) (OFLR, 221).

Закрепленное в некоторых говорах (Мантур, Пышут) значение "узкое место в лесу, в поле" также представляет действие народной этимологии (под влиянием глагола сузить).

У п а к к. 1. Ступни, лапти без обор; старые разношенные ступни. 2. Вообще старая обувь. К-Гор, Никол. Упаки плели из скальа. Лапти разносятся - это упаковки.

Слово известно в говорах русского Севера (Даль IV, 500; Подвысоцкий, 178). В соликамских говорах "легкие шерстяные или льняные туфли для покойников" (Беляева, 652).

Вероятно, из фин. *urokas* "широкий башмак, сапог без голенища" (OFLR, 233).

Слово в значении "валенки" известно также в Костромских говорах (Нейск, Мантур, Макарьев), но туда оно попало, вероятно, из условного языка каталей-отходников (жгонов), которые могли заимствовать слово в Вологодской или Архангельской области, куда постоянно ходили на отход. В жгонском языке это слово также имеет значение "валенки". Распространение лексики в костромских говорах в целом совпадает с распространением

жгонства.

Х ó л у й. 1. Островок на реке; нанос из песка. Кологр, Никол. На реке на меуком месте холуЙ. 2. Куча мусора. Пышуг. А вон у нас на огороде холуЙ, туда и выбрасываем фёй.

Слово распространено в говорах русского Севера, а также в пермских говорах (Спыт, 249; Даль IV, 541; Куликовский, 129).

<приб-фин., ср. фин. kalu "утварь, дело, производство, вещи, товары, багаж", карел. kalu "дело, утварь, товар, купеческий товар", ливв. kalu "дубинка", эст. kalu "дрянь, хлам" (OFLR, 236-237). Несмотря на различие в значении, Калима убежден в правильности этой этимологии, поскольку русское слово, проникнув в коми-зырянский язык, показало тем значение, которое ближе прибалтийско-финскому kalu и т.д.: к-зыр. kölu "хлам, скраб", kölu-ем-буг.к.-mölui "вещи, пожитки, скраб" и т.д. (OFLR, 237).

О соответствии начального прибалтийско-финского к- русскому х- см. Калима I, 34-35. Но ср. также мар. хõли "хлам, ненужные вещи" (МарРС, 656).

Значение "куча мусора", представленное в говоре Пышугского района, наиболее близко значению слова в языке-источнике. Значение "островок на реке, песчаный нанос" представляет дальнейшее развитие значения через ряд промежуточных значений, ср. х ó л у й "сор от разлива на лугах, груды наносного леса, бревен" (Басмер IV, 259).

Соответствие приб-фин. -а- русск. -о- может служить указанием на то, что перед нами старое заимствование, однако категорично утверждать это нельзя (о передаче приб-фин. а через русск. о см. OFLR, 47).

Х о р ь. Островок на реке, мель. Кологр, Мантур. Раньше высокие были хори, а теперь их уш фсе смыло.

У Дали (IV, 561) в том же значении дано слово х о р ё к с пометой нвг-белозер. Этимологизируя последнее, Калима предполагает существование формы *х о р ь, которую и отмечает СТЭ в русских говорах в среднем течении р.Унка.

<приб-фин., ср. фин. kari "морской утес, песчаная мель", карел. kari "перекат, куча камней", эст. kari "риф, утес" (OFLR, 238).

Объяснение соответствия приб-фин. ка- русск. хо- то
е, что и в предыдущем слове.

Ч и т ь. Никол, Пышуг. Ч и т у х а́, ч и т о х а́, ч и -
у́ ш а, ч и к о́ т а, ч и к о р ь ё, п о ч и т у́ х а. К-Гор.
и т а́. Пышуг. Мелкий морозящий дождь. Подожди молотить,
ить пройдёт, так учикает долонь-то.

Еще большее разнообразие форм в других севернорусских го-
орах (ДО, 242; Даль IV, 608; Подвысоцкий, 189; Куликовский,
07).

< приб-фин., ср. ливв. tšīite "мелкий дождь", фин. viide,
iite "дождь в оттепель, который сразу превращается в лед"
OFLR 241).

Саамские заимствования

К а́ м у с, к а́ м ы с. Шкура с ног лося или оленя, исполь-
уемая для подбивки охотничьих лыж. Галич, Никол. Камус на лы-
ах, из оленьих ног.

Слово известно в севернорусских, уральских и сибирских
оворах (Даль II, 80; Подвысоцкий, 62; СГСУ II, 14; ССО Доп. I,
88; ИОС I, 200; СКК, 80).

< саам. патс. kāmъ , кильд. kama "шкура, снятая с ног
леня" (Фасмер II, 172).

Н а́ р б а. 1. Поперечное бревно на плоту. Никол, К-Гор.
лот-от нарбою сплывают. 2. Боковая планка с обоих бортов
одки для придания ей устойчивости. К-Гор. 3. Поперечная
ланка в двери. К-Гор. Н а́ р в а. 1. Поперечное бревно,
крепляющее бревна бона или плота. В-Устьг. 2. Поперечная
ланка, скрепляющая доски стола, двери и т.д. К-Гор, Никол.

Слово известно в говорах русского Севера (Подвысоцкий,
8; Куликовский, 62). Слово в двух фонетических вариантах от-
ечает также СТЭ в Архангельской и Вологодской областях.

Наличие укр. нарина "перекладина для укрепления санных
олозьев" и русск. наровь "дверная скоба" склоняют Фасмера к
тимологии этого слова из германских языков, ср. ср.-н-нем.
arve , бав. nārŕ , nārŕw "щеколда", норв. norve (Фасмер III,
4). Для севернорусских слов, имеющих к тому же несколько
ное значение, предпочтительнее все же саамское происхождение:

ср. саам. норв. *noarve* "планка на крышке стола" (LLR , 55), хотя в принципе нельзя исключать и возможность германского заимствования.

Н ѣ ш а. І. Грязь со снегом; лед и снег, плывущие по реке. К-Гор, Кологр, Межевск, Никол. 2. Застойная вода. Кологр. М ѣ ш а. Грязь со снегом. Кологр, Мантур, Межевск. Как мяпа зделался снєк-то.

Слово известно в русских говорах севера Европейской части СССР, на Урале и в Сибири (Даль II, 564; Подвысоцкий, 104; Куликовский, 67; Беляева, 371; СГСУ II, 214).

< саам. норв. *ņeššē* , саам. терск. *ņieššē* "грязь, мусор" (LLR , 55).

Ч ѹ н к и. Маленькие деревянные санки. Кологр, Никол. Чунки и у нас есть, ребятишки в горок катакпа.

Слово представлено в говорах русского Севера (Даль IV, 615; Подвысоцкий, 190; Куликовский, 134; Мальниченко, 216).

< саам. килд. *t'šunrē* , саам. терск. *t'šunrē* "оаам-ские санки" (LLR , 65).

Суффикс -к- возник на русской почве и имеет уменьшительное значение (ср. сани - санки).

Ш ѐ й м а. Канат. В-Устиг, Кологр, Межевск, Мантур, Пышуг. Шейма самая толстая снасть, ис пакли.

Слово распространено в говорах русского Севера и Урала (Подвысоцкий, 192; Беляева, 690). Даль помечает как волжское (IV, 626).

Согласно Фасмеру (IV, 421), слово заимствовано из саам. *seima, sieima, seime* "канат, трос", которое восходит к сканд. *seimi* "канат", однако не лишено оснований мнение К.Тёрнqvист, которая считает посредником между саамским и русским языком прибалтийско-финские языки (фин. *seimi* , карел. *šeimi*)¹. В любом случае, возводить русск. диал. шейма к германским языкам нельзя, потому что русск. ей не может соответствовать герм.^{1 2}.

1. Thörnqvist Clara. Studien über die nordischen lehnwörter im Russischen. - Труды по славянской филологии, издаваемые Русским институтом при Стокгольмском университете. Stockholm, 1948, B.2, S.209.

2. Thörnqvist C. Studien über die nordischen lehnwörter im Russischen, S.208.

Ю к с ы. Лыжные крепления из ремней. Мантур, Никол, Со-
лигалич. К кольцу юксы привязывают.

Фасмер, рассматривая камч. юкса, юкса "лыжные ремни",
сопоставляет их с саам.лул. јуква- "лыжные ремни", саам.патс.
јуква "то же", но его смущает отсутствие слова в севернорус-
ских говорах (Фасмер IV, 529). По данным СТЭ, слово это широ-
ко представлено в говорах Архангельской и Вологодской облас-
тей. Отмечено и в сибирских говорах (ССО III, 245).

Займствования, имеющие параллели в
прибалтийско-финских и саамском языках

Р о п а с, р о п а с н ы й к, р о п о с н ы й к, р о п о с,
р а п а с н ы й к. К-Гор. Р о п а с ь, р о п а ч, р о п о т,
р а п о т н и к. Никол. Заросли мелкого кустарника. Ропосни-
ком не мок и протти.

Слово в разнообразных формах (ропоть, ропотняк, ропоча-
ник, ропосняк, ропось, рапас, рапасник, рапачажник и др.) из-
вестно, по данным СТЭ, во многих говорах Архангельской и Во-
логодской областей.

Ср. эст. гаракая "густые заросли" (OPILR, 205). По мне-
нию Л.Г.Гусевой, следует иметь в виду также саамские данные:
патс. га'р'рег, мн.ч. га'р'раз, кильд. га'рег, га'р'раз
"неровный, негладкий (о местности, по которой трудно продви-
гаться вперед из-за камней, деревьев, валежника)"; патс.
га'р'р'в, јепп'в, кильд. га'рег, јепп'в "пересеченная мест-
ность" I.

Т ё л г а с. Настил в лодке. К-Гор, Никол. Ф каждой лот-
ке тёлгас биват, штобы ровнее стоять.

Слово тёлгас (вар. тёлдас) представлено также в архан-
гельских говорах (Даль IV, 396; Подвысоцкий, I71).

Этимологизация слова из прибалтийско-финских языков (ка-

1. Гусева Л.Г. К этимологии русских диалектных слов с началь-
ными компонентами рал- и роп-. - В сб.: Этимология русских
диалектных слов. Свердловск, 1978, с.65.

ред. tel'lo, лид. tell'скамья, банка в лодке", фин. teljo "то же" — OPLR, 224-225) оставляет без объяснения исход слова. Между тем, саамские данные, если, конечно, они не являются обратным заимствованием из русского языка, точнее соответствуют нашим диалектным формам: ср. сонг. tɬlɔas, род.п. tɬlɔas "длинный настил (на полу в лодке), чтобы не намокали вещи" (KKS I, 597).

Р о м ш и я. Поперечная жердь на плоту. В-Устьг, К-Гор, Никол. Сначала ромшина кладёца, на неё вица накладываеца и свая забиваеца.

Слово известно в архангельских (В-Т, К-Б, Уст, Холм — СТЭ) и соликамских говорах (Беляева, 546).

Ср. фин. rompi, romsi "длинная жердь, с помощью которой лодку поднимают вверх по течению", карел. romsi (SKES III, 832-833). Финское или карельское слово было заимствовано саамами: патс. rompe, нот. rompe^A, rompa, rompa^A, кильд. rompa^A, rompa "длинная жердь, с помощью которой лодку поднимают вверх по течению" (KKS I, 449).

Исход слова объясним на русской почве, ср. дубина, рогулина, укосина, рогатина и т.п.

Я м у р ь я. Яма (в реке, на покосе, в лесу). Кологр, Мантур, Никол, Парф, Пыцуг. Ой какая ямурина выбита.

Без указания на распространение слово приводит Даль (IV, 677). В соликамских говорах это слово имеет значение "водоворот, быстрина, вымывающая на дне реки яму" (Беляева, 704). СТЭ фиксирует слово в говорах Архангельской и Вологодской областей.

А.К.Матвеев предполагает в этом слове метатезу и связывает термин с арх. яромина, ярма "яма в реке". Эти слова, по его мнению, можно интерпретировать с помощью саамских или прибалтийско-финских данных. Ср. саам. нот. jɛr^еш "омут, яма (в воде)", саам. норв. jārēш "маленькое расширение в реке"; фин. диал. jārāmä (< саам.) "небольшой порог; глубокое и тихое место между порогами или быстринами", также саам. дул. jār^еше "маленькая лужа, озерко, омут, заводь ниже порога", саам. норв. jor^еше, инари joŋmo, патс. joŋma и фин. диал. jurgu (< саам.) "глубокая яма в озере или в реке"

(SKES I, 126)¹.

Дальнейшие изменения слова объяснимы на русской почве, ор. ложбина, ухабина, колдобина, мочевина и т.д. На форму и значение слова оказало влияние и русск. яма.

Пермские заимствования

К о р о с, к о р а с. Продолговатая копна; вешала для сушки гороха. К-Гор, Пышуг. Мелки снопы клали ф короса, а потом закрывали соломой.

На распространение слова в говорах восточной части Вологодской области, в архангельских и вятских говорах указывает СРНГ (XIV, 310). СТЭ фиксирует слово в ряде архангельских говоров.

< к-зыр. когев "скирд", удм. корос "скирд, долгая кладь хлеба". Общеперм. *korčъ "сушилка, приспособление для сушки на воздухе, на ветру"².

К о р т о м а. Аренда земельного или лесного участка. Волго-Двинское междуречье – повсеместно. И дет мой ф кортому лес брал, и отец.

Широко распространено в говорах севера Европейской части СССР, Урала и Сибири (Даль П, 170; Подвысоцкий, 72; Васнецов, III; СРНГ XIV, 374-375; ЯОС, 93; СКО, 104; СГСУ П, 51).

< к-зыр. kertim "аренда", печ. kertim "залог, долг", удм. кертымь "оброк" (SLR, 25; КЭСК, 142).

К у л ё м к а, к у л ё м а. Ловушка на мелкого лесного зверя. К-Гор, Межевск. Кулёмки больше на кунип ставят. На пасть похоже, но отличается от неё немного.

Слово имеет распространение в русских говорах севера Европейской части СССР, Урала и Сибири (Даль П, 216; Подвысоцкий, 78; Куликовский, 45; Белнева, 268; СКК, 100; ИОС I, 232).

< к-зыр. kulem "ловушка на зайцев". Идентично с kulōm

1. Матвеев А.К. Топонимические этимологии. УП. – СФУ, 1975.

№ 2, с.22.

2. Лыткин В.И. Пермские этимологии. – СФУ, 1965, № 2, с.105.

"сеть" (SLR , 27; Фасмер II, 409-410; КЭСК, 145).

С б ъ а. Пористое основание рога коровы. К-Гор, Никол. Когда у коровы рок сломиша, соза остаёца.

Ср. сиб. с о з "пористая сердцевина рогов крупного скота", перм. с о з ѣ н а "гнилая сердцевина дерева" (Даль IV, 261).

< к-зыр. аѣк "костный мозг, сердцевина", аѣк "сок в хрящевой кости" (SLR , 37; Фасмер III, 707).

Ч и р ѣ. Металые комыа грязи на дороге. Пышуг. Чирьы бываю на дороге. Осенью замёрзнет на дороге, пойдёшь по чирам.

Слово распространено в говорах русского Севера и Сибири (Даль IV, 605; Подвысоцкий, 189; ССО III, 231).

< к-зыр. иж. tšir , уд. tšir "корочка льда на снегу" (SLR , 43).

Ш а т ё н а, ш а т ѣ б а, ш а т ѣ к. Хердь. К-Гор. Шатены поставят о вилочкам на верху, и зимой можно жить.

Слово известно в оибырских говорах (ССО III, 236).

< к-зыр. иж., уд. šait "прут, палка", печ. šait, šat "длинный прут, особенно из рябины" (также šatina), вычег. vugir-šait, vugir-šatin, vugir-šatīn "удилище", со. šat "длинная вила, тонкая палка" (SLR , 47).

Т ѹ е с. Берестяной осуд цилиндрической формы с деревянной крышкой для переноски и хранения жидкостей и сыпучих продуктов. Никол. Ф туесе берестяном молоко носили, воду.

Слово распространено в говорах русского Севера, Урала и Сибири (Даль IV, 440; Подвысоцкий, 175; Куликовский, 121; Беляева, 641; СКО, 265; СКК III, 191).

< к-зыр. tujev , tujiv , удм. tujiv "коробка из бересты с деревянной крышкой" (Фасмер IV, 115).

Займствованиа из вымерших финно-угорских языков

К а р а́ с, к а р а́ с ь. Треугольный сруб в основании плотины; бревенчатая стенка, укрепляющая берег реки у плотины. Антр, Кологр, Мантур, Межевск, Нейск, Парф, Пышуг, Шарьин. Когда плотину ставят, карасы рубят; потом их землёй засыпают.

Это слово в значении "сруб, барка, ларь, нагружаемый камнями и затопляемый под мостовые устои и быки" без указания на

распространение приводит Даль (П, 90-91). На распространение слова в олонечских говорах указывает Куликовский: (34). У Баснецова "закрепа из бревен перед вешниками на мельнице, четырехугольный сруб, уставляемый при постройке мостов" (103). В ярославских говорах слово карась имеет значение "короткое бревно, которое не идет во всю стену, а врубается только в угол" (ЯОС, 85).

Фасмер считает, что объединять русск. диал. карас, карась с удм. корос "гроб, могила" нельзя ни фонетически, ни семантически (П, 193). Между тем значение "гроб, могила" в удмуртском языке является вторичным, специализированным (< "ящик"); первоначальное значение слова: "опалубка, сруб (колодца, ямы)" (КЭСК, 142). Таким образом, семантическая связь русск. диал. к а р а с, к а р а с ь и удм. корос очевидна. Фонетически переход удм. корос > русск. диал. карас, карась невозможен, если учитывать, что слово распространено в окающих говорах. Слово могло войти в русские говоры из какого-то исчезнувшего финно-угорского языка, в котором, в отличие от пермских языков, илабиальные гласные не подверглись лабиализации¹. Родственные формы могли сохраниться и в других финно-угорских языках, ср., например, манс. конд. kṛāgə, н-конд. kṛāgə "маленький амбарчик в лесу для хранения сушеной рыбы или ягод", хант. kṛəgə, конд. kṛəgə, откуда в русских говорах Северного Урала карас, карус, карс "амбарчик из бревен или плах в виде сруба квадратной формы, который делается в лесу для обранной ягоды, реже шишки"².

К у р г а́ н, к у р д а́ н, к р у г а́ н. Яма в реке, на болоте, в поле. Бабушк, В-Устьт, Кологр, Никол, Солигалич, Чухл. Курган такой глубокой, вода в ём стоит.

Слово широко представлено в говорах русского Севера (Даль П, 221; СТЭ).

По происхождению слово может быть связано с курья (см.

1. Основы финно-угорского языковедения (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, с. 168-174.
2. Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала, с. 115.

ниже), т.е. также восходить к каким-то вымершим финно-угорским языкам. О передаче приоб-фин. *-zi-* русским *-rg-* писал Калита, который, впрочем, не был уверен в закономерности такой передачи (OFLR, 45). К единственному примеру Калита (сарья-сарьга) можно добавить арх.диал. тарья - тарьга (< карел. *tarja* "закол поперек реки" - Фасмер IV, 25). Ср. также варианты названия притока Немды (Костромская область): Порья - Порьга - Порга (СТЭ). Таким образом, нужно предполагать промежуточную форму *курьган, где р впоследствии отвердело.

Форма курган возникла в результате действия народной этимологии (там, где яма в реке, воду "кружит"). Курган могли измениться в курдан при диссимиляции заднеязычных (ср. конга конда).

Исход русск.диал. курган мог развиваться уже на русской почве, ср. челпан, курган "холм, насыпь" и т.д., но не исключено, что в языке-источнике существовала форма *kizjan.

Следует указать на существование в печорских говорах слова гурган с аналогичным значением: "яма на дне реки или озера". Оно возводится к к-зыр. гурган "углубление, яма, рывина, ухаб"¹, хотя, по имеющимся у нас данным, такого слова в коми-зырянском языке нет. Может быть, сопоставление возникло в результате недоразумения? В любом случае возведение диал. курган к к-зыр. было бы ошибочно как по фонетическим, так и по лингвогеографическим причинам (см. распространение слова).

К у р ь я. Заводь, залив в реке; старое русло реки; яма в реке. В-Устьг, К-Гор, Кологр, Никол, Пышуг, Солигалич. Ф той курьс и рыба фсегда есь.

Слово распространено в русских говорах севера Европейской части СССР, Урала и Сибири (Даль II, 225; Подвысоцкий, 79; Куликовский, 47; Беллева, 271; СГСУ II, 78; ИОС I, 237; СКК, 102). Восходит к какому-то неизвестному субстратному финно-угорскому языку, родственные формы могли сохраниться в других финно-угорских языках, ср. фин. *kizgi* "длинное узкое

1. Ивашко Л.А. Заимствованные слова в печорских говорах. - Уч.зап.ЛГУ, 1958, № 243, с.86.

углубление, заливчик или ложбина", ср. также саам. *kurra*, *kur* "отверстие, лощина между горами" .

П ё н д у с. К-Гор, Кологр. П ё н т у с. К-Гор, Никол. Выхшее, заросшее травой болото. Пендуса болотички небольшие, осока растёт. На пендусах косили.

Форма пендус с пометой арх. отмечена у Даля (Ш, 29). Подвысоцкий (118) и Куликовский (79) в том же значении приводят слово пенус. Последнее объясняется из прибалтийско-финских языков, ср. карел. *rainoŋ* "болотистое место между двумя холмами", ср. также карел. *rainanneh* "влажная поляна" (OFLR, 183). Формы пендус, пентус по фонетическим причинам не могут быть объяснены из карельского языка. Учитывая распространение этих слов и их семантическую и определенную фонетическую близость к прибалтийско-финскому заимствованию пенус, следует думать вслед за А.И. Поповым о заимствовании или субстратном включении из какого-то исчезнувшего финно-угорского языка ².

П ё с т е р, п ё с т ё р ь. Большая заплечная корзина с крышкою из бересты. Повсеместно. Пестер из бересты плетёца, за грибами ходили.

Очень широко распространено в говорах севера Европейской части СССР, Урала и Сибири (ДО, 180; Даль Ш, 104; Подвысоцкий, 120; Куликовский, 81; Васнецов, 208; Мельниченко, 145; Беллева, 438; ССО Ш, 17; ИОС П, 129; СКК, 146).

Следует указать на колебание звуковой формы слова. Так, по данным СТО, в архангельских говорах имеются формы бестёрь (Виногр, В-Т, Холм), бистёрь (В-Т), бехтёрь (В-Т, Виногр, Холм), пистёрь (К-Б), пехтёрь (Онеж, Пинеж, Шенк), пихтёрь (Пинеж, Шенк). Если колебание е~и в первом предупредном слоге (обычно ударение падает в этих формах на второй слог) можно объяснить на русской почве, то колебание хт~ст на русской почве необъяснимо. Именно это заставляет Асмера ставить под

1. Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР, с. 50.
2. Попов А.И. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений. - *Acta Linguistica Hungaricae*. Budapest, 1955, t. 5, с. 16-17.

вопрос этимологии Преображенского из русск. пихать (Фасмер III, 250).

Учитывая соответствие приоб-фин. *ht* , саам. *st* и волиско-фин. *št* , следует рассматривать эти различные формы как финно-угорские заимствования в русских говорах. Ни в прибалтийско-финских, ни в саамских языках соответствие русск. диал. *пестер*, *пехтерь* и т.д. не обнаружено. Можно думать о субстратных включениях из исчезнувших финно-угорских языков. В марийском языке это слово сохранилось в форме *пештыр* (луговой диалект мар.) и *пешър* (горный диалект мар.). Н.Г.Иванов выводит отсюда русск. диал. *пестер*¹.

П у ч к а, **п у ч к и**. *Лягиль*. К-Гор, Пичуг. Кто пучкам, кто лягильям зовёт.

В значении *Netasleum*, *Angelica* почти повсеместно известно в архангельских говорах (СТЭ) и в некоторых говорах Сибири (ИОС II, 208, ССО III, 94).

Заимствовано из финно-угорских языков, ср. эст. *pütäk*, фин. *putki* , морд. *ро́шко* "трубка, стебель" (OFLA, 191). Хотя морд. *ро́шко* в звуковом отношении ближе русскому слову, Калма не уверен, что мордовское слово является источником заимствования. И приоб-фин. и мордовское слово восходит к финно-угорскому **pušk* , ср. еще саам. *vodkå* "трубка, стебель", мар. *пуч* "ствол (орудия), стебель, трубка"².

С у р п а. *Ловушка на рыбу*. Пичуг. Сурпа она длинная, уская, ставят их только на быстрине.

Слово распространено в архангельских и сибирских говорах (Даль IV, 363; ССО III, 214). Подвысоцкий (168) указывает форму сурьпа "ловушка на рыбу".

Параллели обнаруживаются только в мансийском языке, ср. манс. *virp* "вид рыболовной сети" (Фасмер III, 820). А.И.Попов считал, что русск. диал. *сурпа* вошло в говоры севера Европейской части СССР независимо от мансийского слова из какого-то

1. Иванов Н.Г. Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края. - СбУ, 1969, № 2, с.110.

2. Основы финно-угорского языковедения, с.154.

зымершего финно-угорского языка.¹

Челпан. К-Гор, Никол. Чолпан. Никол. Круглый хлеб; горка. Раньше подовой хлеб пекли, фёе челпаном.

Даль помечает это слово как арх, влг, перм (IV, 589).

Фасмер сомневается в том, что это заимствование (IV, 329).

Этимологический словарь славянских языков возводит слово к праславянскому *čьlръ, хотя кроме русского челпан приво-
дит лишь чешские формы člur, člurek (ЭССЯ IV, 144).

Однако распространение слова только в говорах севера Европейской части СССР требует объяснения. А.К.Матвеев считает, что слово заимствовано из финно-угорского языка, близкого к саамскому языку, ср. саам. нот. t'čar^в рр^в, согт. tšōr, кильд. t'čar^в р^в "высокий копнообразный предмет (гора, возвышенность, камень)".²

Возможно, челпан, чолпан представляет собой контаминацию исконного и заимствованного слов.

Локальные финно-угорские заимствования

Здесь рассматриваются финно-угорские по происхождению диалектные слова, имеющие узкое географическое распространение. В первую очередь, это лексемы, представленные лишь в говорах Волго-Двинского междуречья. Здесь же рассмотрены слова, имеющие несколько ареалов, не связанных непосредственно друг с другом, или имеющие ареал, частично охватывающий смежные территории.

В силу узкого распространения, своеобразной фонетической формы и специфического значения локальных финно-угорских заимствований, вероятность их субстратного происхождения значительно выше, чем у финно-угорских заимствований широкого распространения. Но исключить возможность привнесения локальных финно-угорских заимствований с других территорий нельзя, так

1. Попов А.И. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений, с.7.

2. Матвеев А.К. К этимологии русского диалектного челпан, с. 26.

как данные о лексическом составе различных севернорусских говоров до сих пор не могут претендовать на полноту.

Структура словарной статьи здесь такая же, как и в предыдущем разделе.

В а д а. 1. Род рыболовной ловушки. Никол. Сольвычегод. (СРНГ IV, II). 2. Бредень. К-Гор. Сеть водою зовут, много народу о ней идёт.

← приб.-фин. Ср. фин. *vata* "маленький береговой бредень", *vatanuotta* "то же", лив. *vada* "маленький невод, маленькая сеть, которой ловят лососей, бродя в воде", вепс. *vada* "маленький невод, с которым бродят в воде", эст. *vada*, лив. *vada* "бредень". В прибалтийско-финские языки слово вошло из германских (SKES У, 1585).

В а н ы. Низкий, залитый водой берег, поросший высокой травой. Галич. Ат реки идут ваны метра на палтара, туда ни падайшь, а трава хорошая. Нонче какие ваны астались нигошённе. Ой какие ваны аставили, а трава-та больна хараша.

Галичское слово может быть сопоставлено с холмогорским *вана* "заливной сенокос, оверко в русле реки" (СТЭ). На озёрах, когда внешняя вода заливаеця, заливное место будет, сено косят, вана зовут. Она (речка) в истоке ванями такими идёт.

Неомотря на разницу значений, для объяснения наших слов можно привлечь прибалтийско-финские данные, ср. фин. *vana* "след, лыжня, тропа, полоса, полоска, русло реки, фарватер", карел-лив. *vana* "полюнья, глубокое русло реки", ? вепс. *vana* "овраг" (SKES У, 1631-1632). Конечно, значение "русло реки, щель, борозда, полоса" довольно далеко от значения "заливной луг, место у берега, заливаемое водой". Но ср. еще карел-лив. *vana* "низина, заросшая травой (небольшая поляна)".¹

Непосредственно связывать галичское слово с ливвиковским наречием, разумеется, нельзя. Речь идёт о субстратном включении из вымершего финно-угорского языка, в области лексики обнаруживающего близость к прибалтийско-финским языкам.

1. Мамонтова Н.Н. Названия пахотных и сенокосных угодий у карел-ливвиков (отпаллятивныне образования) - В сб.: Вопр. ономастики. Свердловск, 1980, в. 43.

В а́ с я - м о́ л я. Мелкий окунь. Галич. Мелково окуня
у нас ешно васы-моля зовут.

Ср. в а с и́ л ь "мелкий окунь" в олонечских говорах (Ку-
ликовский, 8).

Не исключено, что слово восходит к какому-то финно-угор-
скому языку, ср. саам. патс. *v̥as̥sk^A*, нот. *v̥u̯psk^A*, *v̥y̯žskan*,
кельд. *v̥c̥esk^(A)*, йок. *vi̯žzvan*, норв. *vuosk* "окунь" (KKS
I, 796). Субстратное слово было сближено с русск. Васька, от-
куда затем В а́ с я - м о́ л я (ср. в изучаемых говорах
м о́ л ь "рыбная мелочь до одного года"). Но нельзя совсем
исключать и возможности происхождения данного слова на русской
почве, поскольку в русских говорах названия рыб, образованные
от антропонимов, неединичны (ср. диал. Авдотка "голец", Ага-
шка - "подкаменщик", Евдишка - "голец", Аришка - "красно-
перка").

С другой стороны, в говорах изучаемой территории отмече-
ны и другие финно-угорские по происхождению названия рыб
(сорьез, ляпок, самук), что свидетельствует в пользу иноязыч-
ного происхождения диалектизма В а́ с я - м о́ л я, известного
к тому же лишь галичским рыболовам.

В а́ х т а. Мох на деревьях. К-Гор, Никол. Вахту раньше
ф пыш клали охотники, бумаги-то не было.

< приб.-фин. Ср. фин. *vaanto*, фин. диал. *vahto*, *vahtu*,
vahti, *vaahde*, *vaahi*, *vahti* или *vaaksi*, *vaahden*,
в ниж.-фин. диал. -*ks-*: *vaaksi* "пена, накипь", карел.-ливв.
voahti, *vuahti*, *voahi* "пена, накипь", ливв. *vuahiti*,
voahti "пена, накипь", вепс. *vaht*, сев. также *vahts* "пе-
на", вод. *vāhsi*, *vāsvi* "пена", эст. *vaht* "пена" (SKES Y,
1571).

В языке-субстрате слово могло иметь значение "мох". Для
уяснения возможности такого семантического сдвига ср. к-зыр.
шактар "древесный клам, мусор (нанесенный половодьем), на-
кипь", удм. шакта "сор, мусор, грязь", к-зыр. *šakta*, *šasta*,
šāšta "вид мха *Sticta pulmonaria*"¹. Общеперм. **šakta(r)*

1. Матвеев А.К. Заимствования из пермских языков в русских
говорах Северного и Среднего Урала. - *Acta Linguistica Hun-
garicae*. Budapest, 1964, t. 14, f. 3-4, с. 308.

"сор, накипь", которое ставят в связь с оам.*siefter* "белый мох", хант.*täster* "то же" (КЭСК, 316). См. также далее статью шакша.

Но не исключена метафора "пена, накипь" > "мох на деревьях" и на русокой почве, так как мох на деревьях действительно подобен пене.

В е д ь м а. Переме- (бечевка или леска, на которой укреплен ряд крючков для ловли рыбы). Галич. Ведьма эта в грувилем, поплавок нет, и несколько крючкоф.

А.И. Попов считал, что язык галичских рыболовов сохранил неосомненно остатки мерянской лексики ¹.

Ср. морд. Э ведьме ¹. повод, ремень, 2. завязка, бечевка, 3. конец, обрывок нити" (ЭрзРС, 47).

К о р. 1. Покос на берегу реки, который заливаются водой. Нейск. 2. Покос на месте втянувшейся старицы. Нейск. По кору сыро косить, вроде река шла изгибом, да втянуло.

В Вожегодском районе Вологодской области СТЭ отмечает слово кора "залив в реке или в озере". Иной вокализм I-го слога обнаруживается в русок. диал. кара "залив в реке или в озере" (Куликовский, 34), которое соотносывается с вепс. кар "залив в озере или в море" (OFLR, 104). Приб.-фин. -а- весьма часто соответствует русок. -о- (OFLR, 47). Но непосредственно связывать коостромское кор с вепс. кар вряд ли возможно, тем более, что имеются угорские параллели к этому слову, ср. хант. *кган. kôr* "сырое, поросшее травой болото", сург. *к'аг'а* "открытое безлесное болото", казым. *х'аг'* "узкое вытянутое болото", вах. *х'аг'* "очень сырой край болота, где растет только короткая трава", манс. *сав. х'аг'* "болото, расположенное между лесом и каким-либо водоемом, где на кочках иногда растет го-лубика" ².

К о б ь. Сарай для хозяйственных нужд, санин, каретник, обычно пристроиваемый к дому. Мантур. Давай внучек рубить ко-пы (так!).

1. Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973, с.100.

2. Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала, с.118.

В роотовском (ярославском) говоре известно слово коуз "навес из соломы на столбах около строения, пристройка из жердей позади дома или двора для хозяйственного инвентаря; заутка, сторожка у ворот околицы" (Даль П, 80; Мельниченко, 95).

Географическое распространение слова указывает на то, что слово могло войти в русские говоры из языка летописной мери, которая обитала, согласно "Повести временных лет", на Роотовском озере (оз. Неро)¹. В Мантуровском районе Костромской области, где слово фиксирует СТЗ, некоторые географические названия также указывают на бывшее мерянское население: бывш. с. Георгиевское, "что в Мерском" (т.е. относящееся к Мерскому отану), Мерские Болота (СТЗ).

Ср. фин. *koju*, *koiju* "шалаш, хижина из лапника", *kojugeki* "крытые сани", карел. *koju* "будка", ливв. *koju* "сторожка, будка" (SKES II, 208). В прибалтийско-финские языки слово вошло из германских языков.

Нельзя исключить русского слова. Возможно, большое количество финно-угорских заимствований на -с (карас, рупас, пендус, карбас и т.д.) в русских говорах севера Европейской части СССР привело к выделению нового суффикса -с в этих говорах. Но не исключено, что с (ш) могло появиться и в языке-субстрате, ср. также фин. *karvas*, *karvas*, *karvas* "лодка", карел. *karvas*, вепс. *karvas* "долбленка" (SKES I, 167); фин. *kenku*, *kenkas*, *kenkä* "холм", эст. *kõngas*, *küngas*, *künge*, *künk* "холм" (SKES I, 181). Колесование с ~ ш можно объяснить также на русской почве, так как звонкие и глухие на конце слова не различаются.

К у р п á г а. К-Гор, Кологр, Някол, Пыкут. К у р - п е я. К-Гор. Яма в реке; окно воды в болоте. Смотри ф кур-пагу не попади, то не выплыти.

Основа курп- могла попасть в русские говоры из какого-то вымершего финно-угорского языка, ср. сам. оонг. *kur^{pp}* "морщина, складка" (ККЗ, 189) или сам. шв. *k^{ur}pp^{pp}* "яма, ключ в ручье" (Lagercrantz, 390).

Семантически более вероятным представляется заимствование

1. Повесть временных лет. М.-Л., 1950, т. I, с. 18.

ние какого-то субстратного слова, близкого саамскому $k^{II}tur'p'a$.

Суффиксы -ага, -ея возникли на русской почве: ср. лазея, верея, рапочага, мочага и т.д.

Л а х о́ н и к. Низкое сырое место; кочковатое болотистое место, где растет оморожина. Пышут, Шарья. В лахонике вода больше стоит, только кочи здесь, сморожина растет. Што лахоник, што шокра - одно и то же.

Ср. фин. laakso, диал. lakso, vasilakso "пруд, лужа", эст.диал. lake "равнина" = ? саам. норв. lak'ka "большое болото, болото, где растет карликовая береза", терск. liek's^A "низменная болотистая земля". Мар. la-ka³, laksik "яма, углубление", laksa-ka "долина, изменность", laksi-kä "маленькая долина", ? к-зыр. уд. los (инессив loskin) "сырой луг, на котором растет преимущественно тростник" (SKES II, 267).

Lakso > лахоник, так же, как Шексна > Пошехонье. Для объяснения исхода слова ср. мяконик, куконик, кедроник.

Л у н д а́ к. Яма, глубокое место в реке. Солиталич. В лундаках рыба стоит. Такие лундаки бывают, они и не замерзают зимой.

Ср. фин. lonne (род.п. -nteen) "ложбина, долина", lontto "ложбина, лошина", эст.диал. lont ~ lunt (род.п. -ndi) "лощина, лужа" (также lonta, lontsik ^{лжно-эст.} londzak "лесное озеро, лужа") = ? морд.э londadoms, M loindédoms "проваливаться, рушиться, опускаться" (SKES II, 302-303). Ср. также мар.Г ландака вар "низкое место, котловина" (МарРС, 280).

Исход слова объясним на русской почве (ср. большак, куржак и т.д.).

Л я п о́ к, л е п а́ к. Подлещик, мелкий лещ. Галич. Ляпок как подлещик, только мелкий.

СТЭ отмечает распространение этого слова также в Вожегодском, Белозерском и Кирилловском районах Вологодской области и в Коношском районе Архангельской области. Так же, как вая-моли и ведьма (см. выше), ляпок, лепак в Костромской области знают только галичские рыболовы.

Ср. к-зыр. ляпа "подлещик", удм. ляпа "сом", общеперм.

*1'ара"вид какой-то рыбы". Пермские данные сопоставляют с мар. ловал, Г лавал "лещ", эст. labakas , саам. норв. laer-
radak (КЭСК, 166). Исход слова и колебания в нем объяс-
нимы на русской почве, ср. чебак, судак, но снеток, бычок
(рыба) и т.д.

М и г р а. Небольшая горка, горка с лесом. В-Устиг.
Угорчик небольшой, вот мытра и есь.

Данный термин широко представлен в апеллятивной лексике
и топонимии русских говоров в верхнем течении р.Северная Двиг-
на (Виногр, В-Т, К-Б).

Ср. фин. шукку ,шуккугä , шукегä , мн.ч. шукегäвэä,
ливв.г'ikkülä "выпуклый, холмистый", ср.эст.диал. шүгар
"довольно большое облако", шүгарік "неровный, ухабистый",
ср. также фин. шуку "комоч", эст. шүгам "хлебная куча" (СКЕС
II, 355-356). Ср. еще мар. мугыр "горб, изгиб, извив, излучи-
на" (МарРС, 333).

М я к ш а. Гнилая сердцевина дерева. Мантур. Если с мяк-
шей дерево, так не бери.

Ср. мар. мекш "гнилушка", Г ма́кш "то же" (МарРС, 319-
320), морд. М макша "гнилушка", Э макшо "то же" (МокшРС, 155;
ЭрвРС, 129).

Займствование из финно-угорских языков тем более вероят-
но, что на изучаемой территории для обозначения гнилого дере-
ва используется еще два субстратных финно-угорских включе-
ния - панга и тохта (см. далее).

Н о т ь. Кологр, Мантур, Чухл. Н ó т и. Чухл. Н ó т ь я.
Кологр, Межевск, Никол, Солигалич, Чухл. Н ó т ь а. Кологр.
Охотничий костер, представляющий собой два бревна, положенные
друг на друга. Осенью ночь делают охотники. Ночь-то из двух
брёвен ладят, одно на другое положиш да колышком приставиш,
штоп не развалилось.

В русских говорах севера Европейской части СССР, Урала
и Сибири широко распространено слово нодья "охотничий костер"
(Даль II, 533).

Последнее этимологизируется из прибалтийско-финских язы-
ков, ср. карел. nuodivo , венс.nod'у , фин.nuotio "охотничий
костер" (OFLR , 172-173).

Наличие -т- в формах этого слова, представленных в гово-

рах Волго-Двинского междуречья, указывает на возможность включения из какого-то субстратного языка, обнаруживающего в этом отношении близость к финскому языку. Так как в говорах Волго-Двинского междуречья представлены разнообразные формы с -т-, а не только нотья, то речь здесь не может идти об образовании формы нотья по аналогии к словам, имеющим окончание -тье, как это предполагает Калима (ОГЛЯ, 173).

П а л ь Я. Мантур, Нейск, Парф. П а л ь Я. Антр. Тесло, инструмент для выдалбливания лодок, корыт и т.д. Палья навроде топора. Ей корыта пороссятам делают.

Вероятно, палья - включение из какого-то вымершего финно-угорского языка, ср. фин. *palja* "молот, кувалда, кузнечный молот", карел. *pal'1'a* "то же", ливв. *pal'1'u* "молот", *pal'1'u* "(деревянная) дубина, палица", лод. *pal'*, *pal'1'e*, *pal'1'u* "молот, кузнечный молот", вепс. *pal'* "молот, дубина" (SKES П, 473). В языке-субстрате это слово могло называть инструмент, который в финском языке называется *telvo*. Возможность такого семантического сдвига подтверждается славянскими данными: др.-русс., ц-слав. *сѣчиво*, болг. *сечиво* "топор", но сербохорв. *сечиво* "молот" - праслав. **sěčivo* "топор, то, чем секут, рубят" ¹.

П а н г а. Межев, Нейск, Пышуг, Шарьин. П а н г о в и н а. Пышуг. П а н г о в о е д е р е в о. Нейск, Пышуг, Шарьин. П а н г у ш а. Пышуг. П а н к а. Кологр. П а н к о в о е д е р е в о. Мантур, Пышуг. Гнилое дерево, дерево с гнилой сердцевинкой. Как похлопаш топором-то по панковому дереву, оно плохо и стукат, гнилоё потому што. Панговое дерево, пангуша стоит, на суцяха грибы выросли. Пангу хорошо в дымарь класть.

Формы панговина и пангуша возникли на русской почве, ср. ситовина, гнилуша и т.д. Что касается колебания г ~ к, то

1. Трубочев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с.151. Ср. также русск. диал. *кокица* "инструмент, которым выдалбливают деревянное корыто" и в то же время - "орудие в виде железного молота, насаженного на длинную палку" (СРНГ XIV, 88).

оно характерно как для финно-угорских языков, так и для говоров изучаемой территории (ср. колебание в диалектных словах коньга ~ конька, чонки ~ чонги).

Ср. саам. патс. рѳѳ^ѳ, сонг. рѳѳ^ѳ, рѳѳ^ѳ "гнилое дерево (сосна, ель)" (KKS, 333).

По мнению некоторых исследователей, саамское -о- может соответствовать прибалтийско-финскому -а-.¹ Имеется большое количество случаев, когда саам. kk, gg соответствуют прибалтийско-фин. nk, ng, ср. фин. vankka < саам. шв. wagge, южн. wakkie, vakkie, лул. vagge, норв. vagge (SKES У, 1637); фин. tinka, tinko, карел.-ливв. tīgka, саам. южн. wikkie, digge, лул. tigge, норв. digge, ин. tigge, кольск. tiggē (SKES У, 1305). Только в двух диалектах саамского языка, кильдинском и йокангском, в этом случае закономерно выступает ѳг, ѳк.

Вероятно, в русские говоры Волго-Двинского междуречья слово вошло из какого-то вымершего финно-угорского языка, обнаруживающего близость к прибалтийско-финским.

Можно привести для сравнения также фин. ракко, диал. ракка, ракка-руи "короткое, толстое дерево или кусок дерева, засохшее гнилое дерево (обычно береза), засохший комель, гнилой кусок жерди, деревянный копыл саней или салазок, передок саней, соединенный с парой копыльев и дном", вод. ракко "чурбан, кусок бревна", эст. ракк "чурбан, бревно, выгнутая дугой поперечина под дном саней" (SKES II, 468). Направляется сравнение последнего с фин. rankka, rankko, rankku, rankki "толстая поперечина в рабочих санях", карел. rankko "толстая поперечина в санях для вывозки леса" (SKES III, 482-483).

П ъ х т а т ь. Нашептывать, колдовать. В-Устиг, Никол, Тотем².

Даль приводит как вятское п ъ х т а т ь, п ъ х т а р и т ь, п ъ х т о и т ь "нашептывать, на(за)говаривать, лекарь шептани, знахарить". П ъ х т а р ь, п у х т а р - к а "лекарь, лекарка, знахарь, знахарка". Даль считает, что

1. Wiklund K.W. Entwurf einer ural-lappischen Lautlehre.- MSPÖu, Helsingfors, 1896, 10, 1, S. 130.

2. Вологодские губернские Ведомости, 1853, № 38.

данные слова могут быть инородческими (т.е. заимствованными) по происхождению (Даль Ш, 544). У Васнецова пухтá - р и т ь "лечить вообще, лечить нашептыванием". Пухтá р ь, пухтá рк а "лекарь, лекарица деревенские, т.е. из своей же братии. Лечат более наговорами, нашептыванием" (Васнецов, 266).

Д.К.Зеленин прямо указывает, что колонизация Вятского края шла в основном не с юга, а с севера, из Придвинья и Присухонья (главным образом Тотемского уезда) ¹. Весьма вероятно поэтому, что слово попало в вятские говоры вместе с колонистами из восточной части Вологодской губернии и для изучаемой территории может считаться субстратным.

<приб.-фин.(?), ср. фин. puhua "говорить, разговаривать, беседовать"; puhaltaa "вызывать воспаление, опухоль", карел-ливв. puhua "разговаривать, говорить"; "читать заговор"; "заклинать, заговаривать, заколдовывать", puhe "заклинание, заговор", puhetales "заклинать, заговаривать, заколдовывать", лнд. puhuda "читать заговор", *puhi "заговор, заклинание", вепс. puhe "заклинание, заговор", puh'tta "колдовать, ворожить" (SKES Ш, 626-627).

Рáстóвaя дóрогa. Тракт, главная дорога, хорошая столбовая дорога. Кологр. Эта вод дорога у нас растовая, ну столбовая.

Ср.фин. rastti "дорожный указатель, вежа", rastein "обозначение дороги, тропы, метка, крест", rastikka "дорожный знак", rastia "помечать дорогу", rastinainen

"обозначать направление дороги в лесу", фин., возможно, > карел. rastti, rastti, rastti "дорожный указатель, прямолинейная просека в лесу", rastte "просека в лесу, на пожне, на хлебном поле и т.д.", rastittoa "обозначать дорогу знаками", ливв. rastie "расчищать" (SKES Ш, 742).

Существительного, от которого образовано прилагательное растовая (ср. столб - столбовая), в говоре не сохранилось. Слово распространено крайне узко - оно известно только жите-

1. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с тенденциями позднейшей русской колонизации. СПб., 1913, с.374-378.

лям нескольких деревень Суховерховского сельсовета Кологривского района.

Р ó т н и ц а. Лыжня, лыжный след. Мантур, Нейок, Чухл. Оставай на эту ротницу и иди куда надо.

Ср. фин. *gata* "тропа, дорога, путь", карел.-ливв. *gada* "железнодорожный путь" (< фин.), эст. *gada* "тропа, лыжня, ряд, полоса, след, граница", лив. *gada* "след, полоса" (SKES III, 742-743).

Характерно, что ливское *gada* означает не дискретный след, а след в виде полосы, например, *võlgēdrada* "широкий санный след, который остается, когда из гумна носят сено", *viētrada* "кровавая полоса, которая остается от уползавшего раненого зверя" (Кеттунен, 327).

Исход слова может быть объяснен на русской почве, ср. например, лыжня (в диалектах имеет значение "лыжня"). Прибалтийско-финское -а- нередко передается через русское -о- (OFLR, 47). Для языка-субстрата изучаемой территории характерно также соответствие *t* ~ фин. *t*, в то время как в остальных прибалтийско-финских языках представлено *d* (см. выше статью ноть, ноти и т.д.).

Р у п а с, р у п о с. 1. Возвышенное место, крутой обрыв у реки, самый край его. Кологр, Мантур. На рупас не выходи на этот, он подыт. 2. Резкое понижение дна озера, уступ. Чухл. Рупас не озере надо искать, мель идёт из глубины, в ваде фсё. Где берег падмыла, дак тоже рупас. 3. Снежный отвал у дороги, сделанный бульдозером. Чухл. Машына снэк-та расталкиват, дак у дароги па краям рупас и есь.

По всей вероятности, костромские слова восходят к тому же источнику, что и севернорусские диалектизмы: рóпака, рóпак, рóпас, рúпака, рúпас. Обледенелые прибрежные камни, торчащие стоймя или нагромодившиеся одна на другую у морского берега или на отмели льдины (Подвысоцкий, 148). Рóпас. Бугор из льда, ломаного льдами или нанесенного на берег рекою (Куликовский, 101). Рóпака, рúпак. Громоздкая льдина, ледяная гора, плывучая или выкинутая на берег. Рóпас. Ледяные бугры, неровности (Даль IV, 103-104).

Эти севернорусские формы, по мнению Калимы, восходят к лед. *gudraz* "куча камней", карел. *guoraž* "то же" (OFLR,

Значения коостромского рупас, рупос значительно отличаются от значений соответствующих севернорусских слов. Эти слова имеют неширокий, компактный ареал (говоры по среднему течению р. Ужга). Фонетическая форма их точно соответствует прибалтийско-финским данным, значение также близко значению прибалтийско-финских слов: фин. *guoraa* "груда камней", диал. *guöräa* "шероховатая скала, камень, находящийся на выветрившемся основании, выветрившаяся скала, грудка, куча (например, скал)", карел.-лив. *guoraa*, *guoraä*, *guoraz*, *guoraä* "каменные развалины" и т.д. (SKES III, 872).

С а л т а, с а л д а, с а л ь т а, с а л ь д а. Мелкий лед, плывущий по реке перед ледоставом. Слово распространено в говорах по р. Ужга. Салта, это когда лёт несёт осенью. Салту понесло, река станет скоро. Салду несёт, окчао и реку не перебредёш.

Ср. мар. шултыш "льдинка, сало", шултышная вуд "вода со льдинками" (МарРС, 737).

При соответствии мар. ш- приб.-фин. в-^h, саям. в- или приб.-фин. h- и саям. в- можно предполагать, что данная лексема вошла в русские говоры из какого-то субстратного языка, близкого прибалтийско-финским или саямскому. Однако в этих языках следов данного слова обнаружить не удалось.

Колебание л ~ в ~ ъ объясняется тем, что в русских говорах по р. Ужга распространено произношение ъ на месте л и в перед согласными и на конце слова. Колебание т ~ д, возможно, отражает колебание этих согласных в диалектах языка-источника.

С а ш у к, и ш у к, ч е ш у к. Мелкий окунь, который идет на сушку. Галич. Сашук, сашунок, аво еншо васы-моля во-вут. Шнукоф мы зафсегда сушым. Хоть чешука поймать.

Ср. саям. пато. *šarv*^A (*šarv*^V), согг., нот. *šarv*^(A) "используемая в качестве приманки мелкая рыба" (KKJ, 546). Узкое распространение слова (известно только галичским рыболовам) и неустойчивый фонетический облик свидетельствует в пользу его субстратного происхождения.

Т б л а т а. Грязь или снег с грязью на дороге. Галич. Куда ты поехал ф такую телехту. На дороге телехта, не пройти,

не проехать. Снег и грязь на дороге, телехта.

Ср. фин. *teli*, *telikka* "неровно застывшее основание дороги" (*tietelikka*), "оставшийся на берегу после спада воды ледяной покров" (*rantatelikka*), "кусок (льда, мяса, масла)" и т.п.; *telikko* "лед на основании зимней дороги", *telikka* "основание дороги, гололедица" (SKES V, 1261-1262).

Переход *кк* > *хт* можно объяснить на русской почве (диссимилиция заднеязычных). На первом этапе *кк* > *хк*, ср. *лѣхкий*, *мѣхкий*. Но такое колебание вполне возможно и в языке-источнике, ср. ин.-дигал. *tohka* "мусор, пыль, крошки и т.д." ~ фин. дигал. *tokkala* "окатавшиеся волокна, катышки, оторвавшиеся от выношенной шерстяной ткани" (SKES V, 1321), эст. *rõhk*, дигал. *rõkk* "солома, подстилка (из соломы)" (SKES III, 508-509).

На втором этапе *хк* > *хт* (в случае *л'ѣхк'и*, *м'ѣхк'и*) процесс расподобления остановился по морфологическим причинам, так как *-к-* суффикс прилагательного). О переходе *хк* > *хт* см. следующую статью.

Т о х т а, реже **т о х т а́**. 1. Дерево с гнилой сердцевинной. Кологр, Мантур, Межевск, Пышуг, Солигалич, Чуха, Шарьин. Смотриш оуцки с мохом, ето тохта, нечево срубить. 2. Пыль, отлетающая от зерна, когда его мелют на мельнице. К-Гор, Никол. Когда зерно мелют на мельнице, по стенам тохта отлетает. Которая в раль сыплеца, ето микина, а по стенам ето тохта. 3. Лежалый заплесневелый продукт. Пышуг. 4. Отходы при обмолаоте овса, ржи, клевера и т.д. Бабушк, Никол. Овёс молотят, так пелёва остаёца, а рош, так тохта. **Т о х т б в и н а**. Кологр, Межевск, Пышуг. **Т о х т б в о е д е р е в о**. Кологр, Межевск, Никол, Солигалич, Чуха, Шарьин. **Т б ф т а**. Межевск, Кологр. **Т у х т а́**. Дерево с гнилой сердцевинной. Кологр, Межевск, Пышуг. **Т у х т а́**. Пустое зерно. К-Гор.

Наиболее распространенной и употребительной является форма тохта. Тохтовина, тохтовое дерево — формы, возникшие на русской почве. В севернорусских говорах на месте *х* может быть представлено *ф* (ср. хутор > футор)¹. Таким образом тохта возникла на русской почве. Форма тухта могла возник-

1. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 126.

нуть под воздействием русск. тухлый (ср. диал. тухлое дерево "гнилое дерево", Мангур; тухлявое дерево "то же", Пыщуг, правда, не исключено, что эти слова представляют собой переработку заимствованного слова в русских говорах, ср. еще тохлое дерево "гнилое дерево", Межевск, Никол). С другой стороны, финно-угорское *o* может передаваться русским *y* (ОГЛЯ, 48).

Если колебание фонетической формы слова, как правило, объяснимо на русской почве, то колебания значений кажутся непонятными. Однако привлечение данных прибалтийско-финских языков хорошо объясняет разноречивость значений в русских говорах: ср. фин. диал. *tohka* "всяческие вещи, разнообразные товары, хлам, мусор, пыль, крошки", *tokkala* "скатавшиеся волокна, катышки, оторвавшиеся от изношенной шерстяной ткани, пушинки, шерстяные волокна", *tohko* "гнилое дерево, старая вещь", *tohkio* "изношенная ткань", *tohku* "околоченное зерно, пустой колос", *tohkivuosi* "плохой урожай (за год)", *tohkaantua*, *tohkauta* "становиться ломким, истлевать, гнить", вод. *tohgsta*, *tohkama* "лопаться, колотиться, трескаться", эст. *toheta*, *tohkeda*, *tohknedä*, *tõhkeda*, *tõhknedä*, *tõheta* "становиться больным, слабым, ломким, рыхлым, гнилым". Все значения указывают на ломкость, хрупкость, изношенность, рыхлость, внутреннюю полость (SKES Y, 1321).

Таким образом, практически все значения русск. диал. *тохта* могут восходить к значениям слова в языке-источнике (или языках-источниках). Показательно, что в одном и том же русском говоре сохраняется обычно лишь одно значение слова: для костромских говоров это "гнилое дерево", а для восточновологодских "пыль от зерна" или "отходы от зерна". На стыке говоров иногда представлены два значения: так, в Никольском районе Вологодской области отмечено значение "пыль от зерна" и ближе к границе с Костромской областью — "гнилое дерево". Возможность фонетического усвоения фин. *tohko* в виде русск. *тохта* уже рассматривалась¹.

1. Востриков О. В. Несколько субстратных включений в русских говорах Костромской области (сорьез, тохта, шокра). — В сб.: Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978, с. 50-51.

Из тех же источников, видимо, и русск. диал. тухтá "плохой, неумелый человек" (Плес). Ср. фин. *tohkarää* "глухой, забывчивый", *tohkata* "хлопотать, суетиться понапрасну, тараторить", *tohko* "болван, глупец", *tohko* "простоватый, грубый человек", *tohkelo* "болван", *tohkeko* "то же", эст. *tohk* "набитый дурак, дурачина" (SKES У, 1321).

Не отсюда ли и арго-просторечное тухтá "вранье", которое, по данным СТЭ, представлено также и в севернорусских говорах? Ср. фин. диал. *umritohku* : *puhele oikke umritohku* "нести околесицу, рассказывать небылицы" (SKES У, 1321) (ср. грубо-простореч. пудрить мозги "обманывать, вводить в заблуждение").

Х а р а в ё й, х а р о в ё й, х о р о в ё й. Антр, Галич, Парф. Х á р а в е о ъ. Галич. Х á р а в е т ъ. Галич. Иней на деревьях, появляющийся после оттепели в сильный мороз; иней от дыхания человека, животного. Берёски ф харавеси как в наряде. До самой земли деревья хоровей склонил. З а х а р а в ё т ъ, з а х а р о в ё т ъ, з а х о р о в ё т ъ. Покрыться инеем. Антр, Галич, Парф.

По всей вероятности, того же происхождения, что и арх. харм, хармега, хармахá и т.д. "иней, изморозь", захармове́ть "покрыться инеем" (СТЭ). Эти диалектизмы имеют прибалтийско-финское происхождение, ср. фин. *hätmä* "иней, пена (пивная)", *hätmi* "пена (пивная)", ливв. *härmtu* "снежная изморозь", лат. *hätm* "иней", вод. *ätmä*: (о воде) *ätmäb* "запвести, пожелтеть", эст. *hätm* (род.п. *hätmä*) "иней, изморозь", *hätmata* "покрыться инеем", венг. *härma* "поверхность воды запела", лив. *ätma* "иней, лед". В прибалтийско-финские языки слово вошло из балтийских языков (SKES I, 99).

Форма костромских слов, однако, требует объяснения. Колебание -ара- ~ -аро- ~ -оро- может объясняться тем, что слова распространены на акающей территории (Чухломский акающий остров) и в непосредственной близости от нее (кинная часть Галичского района, Антроповский и Парфеньевский районы). Но переход м > в на русской почве очень сомнителен (в случаях молния > волиня, много > вного и т.п. диссимилиация носовых). Следует предположить либо возможность соответствия субстратного ч

приб-фин. ш^I, либо сложный путь образования вторичной формы существительного от глагольной формы на русской почве: хар-ма > захармоветь (форма представлена в архангельских говорах), через выпадение м > захароветь > харовой > харавей (на акающей территории) > хоровой (гиперкорректная форма на территориях рядом с акащей). В том и другом случае исход слова мог возникнуть на русокой почве под влиянием формы сухове¹. Форма харавесь возникла под воздействием народной этимологии по аналогии к занавесь. Что касается формы хараветь (I фиксация), то в акающем говоре можно предположить изменение: харавядь (ср. чернядь, мокрадь, рухлядь) > хараведь > хараветь.

Х и в а. К-Гор, Межевск, Никол, Пидуг, Шарьин. Х в и я. Кологр, Мантур, Чухл, Ржаная мякина. Хива со ржи облетает, когда молотит.

Даль помечает слово хива как влг, перм. (IV, 547) и под вопросом возводит слово к хилый, что едва ли верно. СТЭ отмечает это слово также в южных районах Архангельской области: Уст, Конош, Вельск. Таким образом, ареал слова охватывает частично Волго-Двинское междуречье и русский Север.

Форма х в и я возникла, вероятно, под воздействием народной этимологии (влияние глагола веять). Русск.диал. хива могло войти в русские говоры из какого-нибудь субстратного финно-угорского языка, ср. фин. *juvä*, *juväs* "хлебные закрома", карел. *jüvä*, ливв. *jüvä*, лиз. *đüvä*, *đüva*, вепс. *jüvä*, *đüva*, вод. *iva*, *juvä* "зерно" = морд.М *juv* "шелуха", Э *juvodoma* "веять, провеивать, бросать (зерно)" (SKES I, 129).

В вепсском языке начальное *j* варьируется не только с *d'*, но и с *g'*, ср., например, вепс. *jaunon*, *đaunon*, *g'äunon* "молоть, разламывать", *jaun*, *đaun*, *g'äun* "мука" (SKES I, 115). Учитывая колебание *г ~ х* в субстратной топонимии севера Европейской части СССР (Согра - Шогра - Шохра, Ягр - Яхр-), можно предполагать, что русск.диал. хива вошла в русские говоры из какого-то субстратного языка, близкого к вепсскому.

1. Ср. колебание *ш ~ ч* в финском, марийском, мордовском и венгерском языках. - Основы финно-угорского языкознания, с. 146.

Ч а г р а. Мелкий густой труднопроходимый лес на остром месте. К-Гор. Лес непроходимой, чагра, частой, его не пере-бьёш.

Слово распространено также в говорах южной части Архангельской области (Уст, Вельск, К-Б) и западной части Кировской области (Халт, Даров). Вероятно, связано и с красноборским чагора "густой, непроходимый лес, чаща; непроходимое оное место в лесу; топкое место на болоте" (СТЭ).

Семантическая идентичность и известная фонетическая близость позволяют связывать это слово с русск.диал. согра, шогра и шохра. Соответствие начальных $c \sim ш \sim ч$ можно интерпретировать с помощью финно-угорских языков: так, прибалтийско-финское s соответствует, например, марийскому $š$ и саямскому $š$ ¹. Трудно объяснить соответствие гласных первого слога $a \sim o$, так как следов этого слова в финно-угорских языках обнаружить не удалось (за исключением, быть может, мар. шүргö, шүргы "лес" с метатезой группы -гр-).²

Ч о л б а , ч о л м а , к о л б а . Круглая горка. В-Устш, К-Гор. Чоуба тоже высоко место. Кто чоуба, кто коуба называет. К-Гор. Ф поле круглышка небольшая, чолма.

Возможно, имеет то же происхождение, что и русск.диал. ч е л п а н "горка, круглый хлеб" (см. первый раздел). На этой же территории имеется ряд горок с названием Чалпан.

Судя по узкому географическому распространению и особой фонетической форме слово вошло в русские говоры из какого-то субстратного языка, обнаруживающего близость к саямскому, ор. нот. $tšəŋr̥$ ³, сонг. $tšəŋr$, кильд. $tšəŋr̥$ ³ "высокий коннообразный предмет (гора, возвышенность, камень)".³

Чолба > чолма при прогрессивной ассимиляции -лб-. Чолба > колба - народная этимология (\sim колоб "предмет круглой формы").

Ш а к ш а́ . I. Снег и лед, плывущие по реке. Межев, Ни-

1. Основы финно-угорского языковедения, с.122.

2. Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР, с.559.

3. Матвеев А.К. К этимологии русск.диал. челпан, с.26.

кол, Пышуг, Шарьян. Шакша по ричке идёт только весной; снэк с водой. 2. Снег, смешанный с водой, месиво из мокрого снега на весенней дороге, грязный сырой снег. Межев, Никол, Пышуг. Снек потает с водой, куды ты пойдёшь, такая шакша. 3. Отходы при обмолаоте клевера или конопля. Никол. Клевер молотят, конопля, шакша остаёца.

Нельзя не видеть связи с арх. шакша́, сакша́ "мох на деревьях" (СТЭ), хотя, на первый взгляд, семантически слова трудно сопоставимы. Архангельское слово имеет также формы шаста, ша́хта "м.х на деревьях" (СТЭ). В олонёцких говорах шакша "остатки от топленого масла", "засохшая грязь" (Куликовский, 135). Калима, который приводит для этимологии последнего слова карел. т́аакс "шкварки от топленого масла", все же замечает, что "русское слово, кажется, предполагает оригинал с Ъ" (ОРЛР, 244). В том же значении в Витегорском районе Вологодской области СТЭ отмечает сакша́.

Не исключено, что все эти слова восходят к различным родственным формам финно-угорских языков. Во многих живых финно-угорских языках эти формы могли не сохраниться, в других получили несколько иное значение.

Ср. к-зыр. шактар "древесный хлам, сор (нанесенный весенним половодьем), нахипь", к-зыр. šakta, šasta, šašta "вид мха *Sticta pulmonaria*"^I, удм. шакта "сор, мусор, грязь". Общеперм. *šakta(r) - "сор, нахипь", которое ставят в связь с саам. sievter "мох", хант. tētər "то же" (КЭСК, 316). Ср. также морд.э сәкс "грязь" (ЭрзРС, 205), удм. шакшы "неряшливый, грязный" (УдмРС, 336). Относительно семантики см. выше статью вахта.

О колебании с ~ ш в финно-угорских заимствованиях уже говорилось (см. выше чагра). Что касается колебания -кш- ~ -хт-, то в финно-угорских языках наблюдается колебание ht ~ ks, ср. фин. vaahto ~ нх-фин. vaaksi, фин. lahti ~ диал. lakei, карел. lakei, вепс. laht ~ laks (SKES У, 1571; П, 269).

Колебание шакта -шаста также можно объяснить с помощью

1. Матвеев А.К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала, с.308.

финно-угорских данных: ср. фин. *ehtia*, ливв. *abti* -, *enti*, вепс. *ehtta*, вод. *ehtia*, эст. *ehtida* = саам. *луд. astat*, норв. *ástát*, им. *oštad*, мар. *əstem*, *əstem*, к-зыр. *eštini*, к-перм. *ještini* (SKES 1, 35).

Ш а л у́ г а. Антр, Галич, Нейск, Парѣ, Чухл, Ш а л н́ - г а. Кологр, Мантур, Межев, Пышуг, Солиталич, Чухл. Лужайка, поляна в лесу, открытое чистое место в лесу. Вышла на палугу, не знаю куда итти. Одну шалугу сѣдни выкосила.

Слово может быть связано с каким-то вымершим финно-угорским языком, ср. фин. *šelkä* "кряж, хребет, открытое море", фин. диал. *seläke* "хребет, озерное водное пространство", карел. *šelkä*, *šalgä*, *selgä*, ливв. *selgü* "спина, кряж, хребет", *šelkoñi*, *šelsoni* "выжженное место, глухой лес", луд. *šelg*, *šelg*, *selg*, *šelg*, лив. *šälga* "горный хребет, открытое море" (SKES IV, 995-996). Если учитывать соответствие приоб-фин. *š* ~ субстр. а, приоб-фин. в ~ субстр. ш¹, то соответствие термина прибалтийско-финским данным будет весьма точным. Исход слова мог быть переработан на русской почве, ср. *калуга*, *лачуга*, *чапуга*, *булуга* и т.д.

Для уяснения семантики заимствования ср. значение русск. диал. *шалга*, *сѣльга*, *сѣлга*, *сѣльга*, которые восходят к тому же источнику (OFLR, 244): *шалга* имеет значение не только "большой безлюдный лес", но и "ягодное место, делянка в лесу, участок" (СТЭ). *Сельга* и т.д. не только "продолговатая возвышенность, покрытая лесом", но и "место, расчищенное ради посева хлеба" (Куликовский, 106)². Характерно, что в прибалтийско-финских языках слово имеет значение "открытое водное пространство", что перекликается со значением слова *шалуга*, *шалыга* в говорах Волго-Двинского междуречья: "открытое пространство в лесу, лужайка, поляна".

Ш и́ д р н, ш и́ д р я ц а. 1. Спинной плавник у рыбы. Ме-

1. Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР, с. 301-304.
2. Ср. еще новг. *шалуга* "молодой небольшой лесок". См.: Соловьев В.Ф. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии. - Сб. ОРМС, т. 77, № 8, с. 58.

жевок. Шыдры только у ерша да у окуня, на спине-то вон шыдри-ца какая. 2. Жабры. Межевск. Ш о б р ы. Жабры. Мантур. Нали шуку за шодры забрау. Ш ч а д р ы, ш ч и д р ы, ш и д р ы, щ о б р ы. Кологр. Жабры. Три килограмма голова, пот самые шчадры обрублена.

Неустойчивый фонетический облик слова и его узкое распространение (говоры в среднем течении р. Унжа) склоняют к мысли о его субстратном происхождении, ср. мар. шулдыр "крыло, плавник" (МарРС, 733), Г шылдыр "то же" (МарРС, 753). При этом следует предположить ассимиляционное изменение л > р и последующую метатезу рд. Окончательное оформление слова в форме множественного числа с отпадением конечного -р произошло под воздействием русск. жабры.

Итак можно констатировать, что финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья неоднородны как по своему происхождению (они восходят к различным ветвям финно-угорской языковой семьи), так и по путям проникновения в русские говоры. Финно-угорские заимствования широкого распространения могли проникнуть в говоры изучаемой территории вместе с колонизационными потоками из новгородского Заволочья, вместе с переселенцами (например, из Вятской губернии).¹ а также из соседних архангельских и западно-вологодских говоров. Большая часть широко распространенных заимствований имеет прибалтийско-финское и саамское происхождение, что свидетельствует о сильном влиянии на говоры Волго-Двинского междуречья северо-русских говоров, сформировавшихся на основе прибалтийско-финского и саамского субстрата и адстрата. Об этом же говорят такие фонетические черты говоров Волго-Двинского междуречья, как оканье, мягкое цоканье, произношение неслогового у на месте л и в перед согласными и на конце слова.

I. Об истории заселения Волго-Двинского междуречья см.:

Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации,

с.374-518.

финно-угорские по происхождению слова, имеющие локальное распространение, могли войти в говоры изучаемой территории из вымерших субстратных языков, ассимилированных местными говорами. В фонетическом и лексическом отношении эти языки были ближе всего к прибалтийско-финским. В то же время они обнаруживают черты, сближающие их с волжско-финскими, саамским и пермскими языками. С помощью прибалтийско-финских языков интерпретированы следующие слова: вада, ваны, вахта, кор, коуз, лахоник, ноти, палья, пухтатъ, растовая дорога, рупас, телехта, харавей, хива, шалуга; с помощью саамского языка: вася-моля, курпага, сашук, чагра, чолба. Для объяснения ряда слов были привлечены данные волжско-финских языков (ведьма, мякша, шидры). Ляпок и шакша объясняются с помощью пермских языков, мыгра и лундак — прибалтийско-финских и волжско-финских, салта — прибалтийско-финских, саамского и волжско-финских языков. Все это может свидетельствовать о промежуточном положении субстратных языков Волго-Двиновского междуречья среди различных финно-угорских языков.